

Владимир Зелинский

ВРЕМЯ ЦЕРКВИ

I

Общество, насилино обращенное в будущее, инстинктивно тягнется к своему прошлому. Из страны осуществленной утопии оно возвращается к духовным истокам, что казались уже утраченными.

"Ваши родители были неверующими?" Вы крестились взрослым?" "Что привело вас к вере?" Или, если спросить в форме более общей: как восстанавливается нить христианской традиции там, где однажды она была полностью пречечена? Как происходит рождение веры, которую никто не проповедовал, не растил, не сеял?

Мы почти никогда не задаем себе подобных вопросов. Может быть, они кажутся нам слишком элементарными или слишком абстрактными. Но время от времени нам задают их со стороны. Пытаясь ответить на них, мы задумываемся о собственном духовном пути. И от наших обращений, от наших индивидуальных историй он уводит нас к истокам нашей веры.

Вот об этой вере мне хотелось бы поговорить. Не о себе и не о других, но о том типе веры, что рождается на этом перекрестке времен, весьма условно называемом "возрождением". Попробуем взглянуть на него не с того места, где мы сегодня стоим, но из глубины метаистории, из глубины опыта Страстной Недели, которую мы недавно пережили.

"Теперь ваше время и власть тьмы" (Лк.22,53) – говорит Иисус тем, кто пришел, чтобы взять Его. "Власть тьмы" – это не только власть физического насилия, власть лжи, обмана, лукавства или богооборчества. Она может быть более тонкой, более всеобъемлющей, но и менее ощутимой. Предательство Иуды, заговор первосвященников, озлобление толпы, трусость всесильного Шилата, отречение Петра, бегство учеников и друзей – все это различные проявления той же власти. Всех подчинившихся ей, всех причастных ей она делает своими сообщниками.

Через этот опыт – "власти тьмы" – иногда проходят целые

эпохи человеческой истории. Христос на кресте, Христос во гробе, Христос во власти смерти – это время, когда тьма сходит на землю. Ее можно назвать и "мистической ночью", о которой говорил святой Хуан де ла Крус. Но и в этой ночи Христос, по свидетельству апостола Петра, проповедует духам, находящимся в темнице (см. I Пет. 3, 19).

Примем это как иносказание: проповедь Христа никогда не прерывается, она вплетается в обстоятельства нашей жизни, доносится из тайников души, обрачивается ностальгией по какой-то утраченной родине, поражает нас красотой тварного мира, убеждает силой нравственной правды – и в то же время наш разум, воспитание, мировоззрение, общественная мораль отданы ночным духам. Это невидимое противоборство приводит в конце концов к кризису, внутреннему суду. И преодоление этого кризиса не всегда укладывается в одну человеческую жизнь, оно может растянуться и на несколько поколений.

Поколение, к которому я принадлежу, разумеется, не лучше и не ~~шумно~~ умнее других, но на долю его или скорее, на его время пришлось как раз изживание этого кризиса. Я говорю прежде всего о кризисе поголовного атеизма; когда мы были еще совсем юны, атеизм уже умирал в наших душах от старости. Он умирал, как умирают тираны, добившиеся абсолютной власти, среди врачей, шутов, полицейских и придворных ученых, суливших ему вечную жизнь. Они твердили об "эволюции", о "развитии материи", о "закономерностях истории" и "диалектических законах", но уже от одних этих слов у нас возникало ощущение метафизической скуки и духоты. Обезбоженный мир, построенный этими словами, был явно тесен, убог и непригоден для жизни.

Преодолев догматическое безбожие, мы вступали в полосу кризиса культуры, не видевшей в человеке никакой загадки и разбиравшей его как социальный механизм, предопределенный внешними силами и отношениями. Затем наступал черед кризиса более глубокого, кризиса безрелигиозного гуманизма, кризиса того мировоззрения, исходя из которого человек берется ответить сам на все поставленные им вопросы. Эта тема слишком серьезна, чтобы говорить о ней вскользь. Речь идет о том, как вера в разумность мира, объяснимость человека населяет нас фик-

циями. Речь идет об одном из самых трагических опытов нашей эпохи: открытии человеком фиктивности своего внутреннего мира.

Кризис гуманизма вплотную подводил нас к вопросу о самом человеке. Если социальные силы могут навязать ему идеологию и мораль, если его собственное существование может быть предопределено заботами, страстями и "попечениями житейскими", то что в нем, в конце концов, подлинно и принадлежит только ему? И чем глубже мы испытывали этот кризис, тем больше отсекали от себя все навязанное и чужое. И рано или поздно, скорее поздно, чем рано, мы останавливались перед парадоксальной тайной человека: то, в чем он ощущает себя наиболее подлинным, наиболее человечным, бесконечно больше нас самих. Загадка человека всегда превосходит самого человека.

Кто-то — прочитанная книга, культурная наша память или просто один из друзей — произносит имя Христа. И загадка, которую мы пытаемся разгадать, в конце концов, соединяется с этим именем. И тогда наступала череда новых вопросов. Какая связь существует между этой загадкой и тем наследием человеческой культуры, тем далеким историческим Текстом, который называют "Откровением"? Да, Христос, когда-то жил среди людей, но был окружен немногими учениками. Умер — и неисчислимые человеческие потоки устремились за Ним сердцем, разумом, испытуяшим взглядом. Что за искра пробегает от Еgo, некогда прожитой жизни, до нашей, теперешней? Какой силой и сегодня тянет нас именно к этому Человеку, ко всему, что было Им сказано, сделано, явлено в жизни и в смерти?

Женщины, собрав свои ароматы, направляются к Его гробу. Ночь еще не рассеялась, но рассвет уже в пути. Это момент пробуждения нашей древней, подавленной души, постепенно освобождающейся от чужих мировоззрений и возвращающейся к своим истокам. Вопросы, которыми мы тогда задаемся, ведут нас к месту погребения Иисуса. Туда, где положили тело Его и привалили камнем.

Дорога может быть долгой и порой становится самоцелью. Иногда на сцену являются мистические учения, скорее восточные, чем западные, и зовут отдохнуть. Все, что ты ищешь, уже с

тобой, говорят они, ибо каждая душа в потемках своих зачинает своего бога, и отыскать его – лишь дело душевной терапии и техники. Есть тесный кружок посвященных, поясняют нам мистики, и есть догматический социум, куда затягиваются человеческие стада, из века в век жующие свою остывшую жвачку. Кому подлинно дано вместить слова Учителя, тот станет искать от них путь к Божественному Молчанию, а не к одному из хорошо устроенных религиозных муравейников. Важен не Тот, Кого мы ищем, но лишь мой опыт, мои созерцания. Не истина важна, но "переживания".

С другой стороны, наш разум все еще продолжает считать себя мерой всех вещей. Он все еще смотрит на христианство с неба "общечеловеческих ценностей". Когда-то Гегель писал: не так важно, вышли ли гости в Кане Галилейской больше или меньше вина, важна та общая идея, что возвестила о себе в этом первом из чудес Иисуса. Мы можем говорить о духовной Красоте, служении Добру или о святой Человечности, оставив в стороне конкретные евангельские слова, чудеса, притчи, наконец, присутствие живой личности. С общими идеями мы можем обойтись не только без Каны Галилейской, но и без Гефсиманского сада и без Креста. Удовлетвориться христианством расплывчатым – "мистическим" или "культурным". (Есть еще, правда, христианство социальное, освободительное, прогрессивное, но у нас в него никого не заманишь.)

Христианство, о котором я буду говорить, начинается с личной встречи. Понятие "встречи" не описывается никаким отвлеченным знанием и не укладывается в какой-то особый мистический опыт. Встреча есть дар, т.е. нечто незаслуженное, неожиданное, глубоко личностное. Обстоятельства этой встречи, они у каждого свои. Но по существу, по глубине, она всегда совершается у пустого гроба. На рассвете, после ночи и "кризисов". После слов Ангела: "знаю, что вы ищите Иисуса распятого. Его нет здесь; Он воскрес" (Мф.28,5-6).

Весть о Воскресении – "переживание" это или истина? Откровение или "возвращение к истокам"? Знаю только, что она входит в глубину существования каждого, кому дано услышать ее. Мы не видим Христа по плоти, но Его слово и даже Его молчание

начинает говорить в нас все более внятно и отчетливо. "Кто приобрел слово Иисусово, поистине может слышать и Его безмолвие", - говорит святой Игнатий Богоносей. Живая личность поселяется в нас и делается внутренней достоверностью нашей жизни. "Его слово" и "Его безмолвие" с каждым начинает говорить на понятном ему языке, догоняя взглядом, повелевая в законе, разделяя боль, давая угадать себя в испытаниях. И нам кажется, что мы слышали Его всегда. "Ты извел меня из чрева; вложил в меня упование у груди матери моей" - говорит Псалом (22,10).

II

Так совершается выбор веры и выбор Христа. Почти бессознательно вначале, он становится все более радостным и открытым. Упование, вложенное в нас, встречается с вестью о Воскресении.

Всякое индивидуальное обращение - это как бы ответ, отклик этой вести. Словно Воскресение передает нам какую-то свою частицу, частицу того "избытка жизни", который принес на землю Христос. Той же силой, которой Бог воскресил из мертвых Иисуса, Он делает Его живым и для нас. И пусть не уговаривают нас, что Воскресение телесное есть лишь пластический образ духовного. Если Христос не воскрес, к чему все эти утешительные образы? Если Христос не воскрес, то во имя пресловутой "честности перед Богом", нам надлежало бы поскорее избавиться от устаревших мифологем, и кто бы ни помог нам в этом, всем мы должны быть равно благодарны. Воскресение есть весть о жизни, и она наполняется для меня смыслом лишь в том случае, если служит лишь отголоском, отсветом бесконечно превосходящей ее жизни Божией.

Ибо все это - отнюдь не только достояние моего опыта. Я могу воспринять лишь ничтожную часть того, что мне посыпается. Я вхожу в реальность, которая называется "Церковью", сохранившую для меня Евангелие, как и опыт мучеников и бесчисленных святых. Она сохранила его не просто как книгу, но как истину, как жизнь, в которой Христос каждый день преломляет хлеб со своими учениками.

Столь частое противопоставление Евангелия и Церкви, мо-

жет быть, наименее характерно для нашей судьбы. Евангелие становится вечным. Откровение располагается среди нас, и мы сами в силу непонятного и ошеломляющего дара делаемся местом его пребывания. И это есть Церковь. Суть ее в том, что Христос, распятый и воскресший, непосредственно входит в жизнь христианской общины, называемой Телом Христовым и Народом Божиим. Реальность Его Воплощения, Его крестной смерти и Воскресения во всей их таинственности и полноте передается этому Народу. Эту реальность можно пережить заново, разделить друг с другом, передавать от одного поколения людей к другому. Ее можно не только вспоминать, но и творить, вносить в мир, видеть мир в ее свете.

Чтобы язык мой не был слишком общим и отвлеченным, я хотел бы выразить эту реальность каким-то конкретным образом. Пусть этим образом будут слова того гимна, коим Православная Церковь встречает каждого из приходящих к ней. Этот гимн предваряет таинство Крещения. Это таинство – таинство облечения во Христа соединено с таинством явления Бога в мир, Его присутствия в сотворенном Им космосе.

Израиль знал понятие Шехини, т.е. славы Божией, пребывающей в Храме. Новый Завет, возвестивший о приходе Христа, о сошествии Духа Святого, говорит нам о том, что таким Храмом становится все творение.. Главная мысль этого гимна, читаемого и в день Богоявления, при великом освящении воды, в том, что Бог присутствует в созданном им мире, что мир разумен и славен только этим присутствием.

Таинство Крещения начинается с того, что оно дает нам ощутить весь мир как таинство, весь мир как чудо. Все, что начало быть, явились из рук Господних. "Ты бо хотением от несущих во еже быти приведый всяческая, Твою державою содерши тварь, и Твоим промыслом строиши мир." Прежде чем "облечься во Христа", мы заново вступаем в этот мир как в семью Божию, в котором каждый из предметов пребывает в Его присутствии, обращен к Нему, предстоит Ему, несет на себе отблеск Его славы:

Тебе трепещут умныя вся силы:
Тебе поет солнце,
Тебе славит луна,
Тебе присутствуют звезды:
Тебе слушает свет,
Тебе трепещут бездны,
Тебе работают источники.
Ты простерл еси небо яко кожу:
Ты утвердил еси землю на водах...

Тот, к Кому – через разделяющую нас пропасть – мы обращаемся вместе с космосом, уже явлен в нем. Даром или умением видеть тайну Богоявления или тем, что Православии называется "умным зрением", наделена каждая из сотворенных стихий. Когда я читаю слова Иоанна Крестителя, что "бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму" (Мф.3,9), то воспринимаю эти слова в самом прямом, едва ли не утраченном смысле. Та слава Господня, к которой люди бывают слепы, может быть явлена и камням. Отблеск ее дано видеть и невооруженными глазами.

"Небеса проповедуют славу Божию и о делах Его вещает твердь" (Пс.18,1). Этот язык твари, эта проповедь может быть названа "естественным откровением". Ко всем этим существам, что "трепещут", "слышат", "славят", "поют", "присутствуют", можно добавить еще человека разумного. И его существо откликается славе Божией и на свой лад вторит ей. Из этого отклика рождается его религия, его философия, его искусство и даже его ремесло. Удивление, радость, страх или все это вместе – все это его способы восприятия открывающейся этой славы, его "диалога" с ней. И от того человек изготавливает не только орудия труда, но и "предметы культа" – от деревянных фигурок до возвышенных изделий духа. И потому столь же удивительны, сколь и естественны его последние вопросы и озарения, его внимание к тайне мироздания и ее окликание.

"Ты извел меня из чрева: и вложил в меня упование у грудей матери моей". Упование – это дано человеку, как солнцу дана его песнь. Оно делает его существом "естественно религиозным", как и все, что сотворено. Оно дано ему вместе со сво-

бодой, и он может услышать в себе это упование или его отвергнуть, ответить ему или растоптать. Но с приходом Христа ему дается нечто безмерно большее.

Не только тянуться к Тайне, которая объемлет его, но и видеть ее рядом с собой. Не только взглядываться в бездну, которая отделяет нас от Творца, но и знать, что она преодолена. Не воздвигать жертвеники "неведомому Богу", на место которого часто хотят пробраться всякие идолы, но и открывать перед Ним дверь собственного дома.

Ты бо Бог Сый неописанный,
безначальный же и неизглаголанный,
пришел еси на землю,
зрак раба приим,
в подобии человечестем быв...

Тайна мира и нас самих сбрасывает свою таинственность, словно "истощает" себя ради нас. Она входит в мир в человеческом подобии и не вызывает священного ужаса. Она не гримируется ни под один из мыслимых нами секретов. И когда она входит в мир, она всегда на какое-то время оказывается в его власти, предает себя людям. Вспомним: слова об уповании - это слова Исаи, с которым умирал Христос. Он начинается с воиля: "Боже мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" (Мф.27,46). В этом парадокс Благой Вести: спасая мир, она распинается в нем. Она изгоняется из мира и в то же время в нем воцаряется. По слову Симеона-Богоприимца, она становится здесь "предметом пререканий" (Лк.2,34). Также как "предметом пререканий" становится и Церковь, вместившая в себя всю тайну Христову,

III

В невообразимом соседстве с этой тайной кончаются права человеческого "естества". Мы вступили в Церковь как в область Богоявления, но это уже был акт веры, а не порыв удивления. И чтобы жить Церковью и любить ее, вера понадобится нам каждый день.

Я не буду говорить о "проблемах современного человека" в Церкви, ибо их может быть очень много, этих "проблем". Мы

пришли сюда из иного мира, и этот мир еще остается в нас. Мы накопили опыт его отрицания, его кризисов и, может быть, еще слишком связаны этим опытом. Главная проблема заключается в том, что Церковь часто бывает не той, какой мы хотели бы ее видеть. Мы хотели бы найти здесь Царство Божие без всякого "мира", но находим отнюдь не всегда. Или же находим его лишь на время первого обращения, первого радостного отклика Слову, а потом теряем в "проблемах".

Так нередко возникает реакция, что случалось в истории уже не раз: Христос проповедовал Царство Небесное, а вместо него явились Церковь. То, что Церковь – это вовсе не Царство, очевидно для всех. Возникают вопросы: коль скоро действительно приблизилось оно во Христе, в Его личности, в Его проповеди, в Его таинственном единении с Отцом и бытии для других, почему мы не можем принять все это прямо из Его рук?

В том-то и состоит "предмет пререканий": чтобы узнать Христа и что-то от Него принять, в Него нужно "облечься". Чтобы соприкоснуться с Царством в Церкви, Царством этим уже нужно жить. Также как на главные недоумения веры – о всемогуществе Божием и вездесущии зла, о Боге блаженном и Боге страдающем, о Благом Промысле и свободе воли – подлинный ответ можно получить не заранее, но лишь из опыта самой веры, точнее, из внутренней нашей причастности Тому, Кого мы об этом спрашиваем, так и загадка Царствия Божия в Церкви разрешается уже в самом этом Царстве, т.е. в жизни Христовой, составляющей тайну Церкви.

Церковь на земле, часто страдающая и униженная (а опыт унижения Церкви так хорошо знаком нам) – это, может быть, парадокс Царства Божия. Христос говорит, что Дух Святой, "придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде" (Ин.16,8). Этот обличаемый мир и Царство Небесное, которое "не от мира сего", могут помешаться на одном и том же месте. Было бы легкомысленно относить это предсказание только к язычникам. Ибо Дух, от Которого мы имеем веру, от Которого мы получаем наше "царственное" знание о Христе, обличает, прежде всего, и наше неверие. Разве не начинается суд с того места, куда Он нисходит первым? Разве не осуждается "князь мира сего" в первую голову

там, где Дух Святой вступает во владение Своим уделом? Потому что Дух есть Свет и не имеет никакой общей доли со тьмой.

Опыт, который собрали мы в себе до вступления в Церковь, свидетельствует о реальности суда. Мы потянулись к Царству Божию, потому что узнали, что мир бывает падшим, лживым, богооставленным. "Дух Твой благий да ведет меня в землю правды", - как говорит Псалом (142, 10). И эта земля - здесь, в Церкви, хотя правда может судить и ее. Правда говорит о славе Богоявления, о радостной "несокрытости" твари перед Творцом, но и о том, что человек, каков он есть, сам не может спасти себя ни от греха, ни от смерти. Правда состоит в том, что весь мир объят и движим любовью Божией, но человек по воле своей ушел от этой любви и отдал себя в добычу демонским силам. Но эта любовь оказалась сильнее этих сил, и чтобы воплотить ее, пришел на землю Христос.

...Пришел еси на землю,
зрак раба прим,
в подобии человечестем быв:
не бо терпел еси Владыко,
милосердия ради милости Твоей,
зрети от дьявола мучима рода человеча,
но пришел еси и спасл еси нас.

Для того и существует Православная Церковь - чтобы нести эту весть и самой быть ею. Она, Церковь, живет перед лицом трех обличий Духа - правды, греха и суда. Ее цель - в каждой человеческой жизни, которая ей доверена, на недолгом ее пути - превозмочь одной реальностью другую, правдой победить грех и суд, правдой победить суд и смерть. И сегодняшнюю нашу жизнь она хочет сделать тем местом, где достигается эта победа.

Такую весть нельзя превзойти никакой иной, потому что во всяком человеческом существе драма грехопадения разыгрывается заново, и "супостат наш, дьявол", на каждого персонально заводит свое досье. Но вместе с тем и ко всякому стучится Слово, пришедшее "взыскать и спасти погибшее", и близость Присутствия Божия на свой лад доступна любому. Однако лишь в Церкви мы постигаем, что оно здесь, с нами. В таинстве, в образе, в предании. В молитвенной жизни и памяти о святых. В "памяти смерт-

ной" и "пасхальной радости. В преодолении этой пропасти между умершими и живыми, да и во многом другом.

Да, Царство Небесное приблизилось к нам, но пришло оно в "зраке раба". У нас, разумеется, нет такого приказа - закрывать глаза на земные немощи Православия. Но не забудем, что язвительное обличение их уже привело однажды к великой национальной катастрофе. Церковь есть предмет веры и пререканий; начать с того, что Царство, которое вошло в нее, отделено от нас, членов ее, громадным расстоянием. Оно раскрылось среди нас, но "лишь употребляющие усилие восхищают его" (Мф. II, 12). Мы стоим в Церкви перед тайной Богоявления, мы для нее открыты, но ее не видим. И если бы Тайна не пришла бы к нам в виде Благой Вести, а только бы обличала "зрак раба", то Церковь, вмещающая эту Тайну, была бы, верно, создана не для спасения людей, а для их посрамления и погибели. Но она есть, прежде всего, знак милости Божией, она создана "милосердия ради милости Твоей". И, когда мы входим в Церковь через веру и крещение, мы тем самым даем ответ этой вести:

Исповедуем благодать,
проповедуем милость,
не тайм благодеяния:
естества нашего рода свободил еси...

Это значит, что слово и жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа сопрягаются с моим исповеданием, с моим существованием, моей смертью и моей надеждой. Сопряженность такого рода глубочайшим образом сплачивает наше разрозненное "я" перед единственным и единственным "Ты". Вся Церковь, собранная одним Духом, стоит перед лицом этого "Ты" и несет его в себе. Правда, увидеть евангельского Иисуса в "исторической Церкви" бывает иногда столь же трудно, как, должно быть, трудно было признать Мессию в плотнике из соседнего селения. Но это умение видеть ее, этот дар быть ею принятым никогда не остается безмолвным. Но в тот момент, когда мы узнаем этот подлинный лик Церкви, ответ Богоявления падает и на нас.

И тогда вместе со всеми тварями и стихиями мы входим в общину воплощенного Слова. Пение солнца, славословие луны, теплое присутствие звезд, вчера еще леденивших своей мертвеннос-

тью, свет, прислушивающийся к своему Истоку, ключи и потоки вод, "трудящихся" Богу, трепет бездн и ангелов - все это уже отмечено "печатью дара Духа Святого". Оглянемся вокруг себя: мы уже на пороге преображенного мира, воцерковленного космоса. Приход Христа означает освобождение всей твари, благословение ее для Царства Небесного. И в ответ:

вся тварь воспевает Тя явившегося, -

как сказано в богоявленской молитве.

Для такой истины достаточно немногих слов. Разумеется, и она может снашиваться в человеческих душах, тускнеть в идеологии мира сего и даже приобретать "рабский" облик при суетном ее поминании. Но дело вовсе не в этом облике. Вопреки нашей тусклости, нашей неготовности к ней, эта истина способна воскресать вновь и вновь, давая жизнь Свету, просветившему каждого человека.

IV

На вопрос о "возвращении к истокам" мне захотелось рассказать о самих истоках, но не о человеческих путях к ним. Не о том как это происходит, но о том, что открываем мы в Церкви.

От предрассветного паломничества к пустому гробу, к месту погребения Иисуса - через "проблемы", через кризис - к вести о Воскресении. От обращения, скрытого от других, - к вступлению в Церковь. От слышания Слова - к таинству Богоявления. От заброшенности в мире - к ощущению Живого Присутствия. От опыта изжитых иллюзий и наваждений - к радостной достоверности.

Такова духовная суть этого возврата, которую можно ощутить, отвлекаясь от индивидуальных психологий или социального контекста. Но вечное сплетено с временным на этой земле, и трудно бывает от всего этого отвлечься.

Есть Царство Духа и царство кесаря, и последнее, чаще всего, не нуждается в первом. Царство кесаря, когда оно на подъеме, когда оно чувствует свою силу, подавляет Царство Духа, изгоняет его или в лучшем случае не замечает. Но царству кесаря, как и всему земному, отпущены земные сроки, и его

подстерегает усталость. И тогда оно начинает перестраиваться, чтобы обрести новые источники энергии. И порой бывает непрочь занять их и у Царства Духа.

Ныне наше общество скорее инстинктивно, чем сознательно, находится в поиске новых ценностей, новой морали, новой правды. Но при этом на рациональном уровне оно пользуется уже отжившими ценностями, оно прибегает к словам, которые уже отслужили свой срок. Хуже того, оно апеллирует к ценностям и словам, которые служили преступным целям, на которых — ложь и человеческая кровь. В какой купели могут они ^{быть} одмыться?

Мне вспоминается история евангельского Закхея; мог ли он "начальник мытарей и человек богатый", предположим, во всех преступлениях повинный, всеми грехами согрешивший, сказать себе однажды утром: с этого дня — кончено, становлюсь порядочным человеком? Нет, человеком порядочным, достойным членом общества, после всех дел его, Закхею никогда уже было не стать. Нет, ему оставалось лишь броситься ко Христу, взобраться на смаковницу, чтоб только увидеть Его и услышать там весть о том, что "сегодня надобно Мне быть у тебя в доме". И тогда пришло "спасение дому ^и ему".

Собранием грешных мытарей должно ощутить себя наше общество, чтобы Христос пришел в его дом и научил его новым словам, новой правде, вдохнул в него новые силы. Ибо и оно состоит из детей Авраама, пусть даже не помнятших родства, пусть заблудившихся и отрекшихся, и все же имеющих за душой какую-то евангельскую закваску.

С этой закваской когда-то взялись за построение царства кесаря, но это было обреченное дело. И его не переделать, не перестроить. "Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам", — говорит Господь. Приложится все, чем мы ищем, и хлеб, и "гласность", и обновление. Без этой же правды все останется приложением косметическим. Однако путь к этой правде начинается с покаяния. Покаяние же начинается с умения называть вещи своими именами.

Где грех — там грех. Где ложь и убийство — там ложь и убийство. Где мерзость запустения, там именно она, а не что-то иное. Покаяние требует взглянуть в глаза правде, оно нужда-

ется в языке правды, а где его взять? Взять его можно только там, где он еще сохранился для нас. В Евангелии и Церкви.

Русская Церковь в эти дни празднует тысячелетие своего существования. Ее земное тело остается скованным. Ее человеческая воля порабощена. Но сила Божия сохраняется и в ее человеческой немои, но, в отличие от царств земных, нисколько не истратив себя за тысячу лет. Не только не истратив, но умножив себя в подвиге тысячелетней веры.

Трагично, что люди наших дней не всегда умеют найти пути к этому хранилищу. Трагично то, что мы только храним его, а не выносим на свет. И все же вопреки нашей немои, лени и малодушию, время работает сегодня на Церковь.

У каждой эпохи есть своя "религиозная ситуация", в том числе и у нашей. "Религиозная ситуация" наших дней заключается в том, что когда-то, не очень давно, был поставлен грандиозный социальный и метафизический эксперимент над человеком, над обществом, над историей. И этот эксперимент в положенные сроки принес свои плоды - в человеке, в обществе, в истории. Плоды эти стали очевидны, и мы попытались их осмыслить. Тогда после времени кризисов, "отрясания праха", наступило время пробуждения и паломничества к пустому гробу. Началось время Церкви. Церкви следующего тысячелетия.

"Исполнилось время и приблизилось Царствие Божие; покайтесь и веруйте в Евангелие" (Мк.1,15). Это призыв наступающей эпохи. Может быть, вскоре он зазвучит и на кровлях.

Царство Божие приближается к нам через Церковь и покаяние. Церковь выявляет новые его грани. Открывает его новые возможности. Я не думаю, что сегодня мы стоим у физического конца мира, ибо Евангелие еще не проповедано всей твари. Или, может быть, не проповедано еще в с е Евангелие, а оно неисчерпаемо. И каждая эпоха должна открыть своего Христа, Который "во веки тот же".

Но есть "последние времена", и внутренний опыт иногда говорит нам, что эти времена - последние. Но "последние времена" говорят не только о прекращении времени, но и о характере времени. Нам заповедано жить так, как если бы каждый наш день был последний.

"XXI век будет веком Церкви, - сказал один агностик, - или его не будет вовсе." Сегодня некоторые вещи становятся ясными для всех. И дело заключается уже не только в возвращении к вере, сколько в том, чтобы эта вера была подлинной и плодоносной. В том, чтобы мы сохранили и приумножили эту веру до того дня, когда придет Сын Человеческий.

х х х